

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)

Факультет филологический

Выпускающая кафедра современного русского языка и методики

Чжан Чэньци

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Тема: Процессуальная характеристика в структуре языкового поля «осень»

(на материале лирики А.С. Пушкина)

Направление подготовки 45.03.02. Лингвистика

Направленность (профиль) образовательной программы «Перевод и
переводоведение (Русский язык как иностранный)»

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой кандидат

филологических наук,

доцент Бебриш Н.Н. _____

Руководитель кандидат филологических

наук,

доцент Ревенко И.В. _____

Дата защиты _____

Обучающийся Чжан Чэньци _____

Оценка _____

Красноярск 2018

Содержание

Введение.....	3-7
Глава 1. Языковые средства выражения процессуальной характеристики предмета	
1.1. Понятие семантического поля.....	8-11
1.2. Глагол как основное средство представления процессуальной семантики	11-16
1.3. Объем процессуальной семантика глагола.....	17-21
Глава 2 Процессуальный образ осени в поэзии А.С. Пушкина.....	
2.1. Осень в русской языковой картине мира.....	32-36
2.2. Состав семантического поля «осень» в стихотворениях А.С. Пушкина.....	36-40
2.3. Процессуальная характеристика осени в лирике А.С. Пушкина.....	40-44
Заключение.....	45-46
Список литературы.....	47-52

Введение

А.С. Пушкин для многих иностранцев является символом русской поэзии.

Его поэзия, проза или драматические произведения почти все были переведены на китайский язык. Когда отмечалась 100-летняя годовщина смерти Пушкина в 1937 году, его бронзовая статуя была установлена в Шанхэе. Великий русский поэт А.С. Пушкин очень важен для китайцев, не только потому, что его поэзия очень яркая особенная, но и потому, что по его стихотворениям мы можем судить о богатстве русского языка.

А.С. Пушкина считают не только великим поэтом, но и создателем русского национального языка. «Язык Пушкина является истоком и источником всего последующего стремительного развития русского литературного языка, связанного с расцветом реалистических стилей художественной литературы. «Пушкин у нас - начало всех начал», как сказал М. Горький» [Виноградов 1949: 215].

В современной лингвистике значительное количество работ посвящено описанию картины мира писателей. Интерес к исследованиям такого рода обусловлен тем, что через выявление специфического, индивидуального и обычного, узуального можно прийти к более полному пониманию смысла художественного текста. Изучение языковой картины мира писателя важно также для определения особенностей его авторского стиля. Наша работа, в

которой мы обращаемся к описанию фрагмента языковой картины мира А.С. Пушкина, выполнена с учетом антропоцентрической направленности современной лингвистики, посвящена разработке активно обсуждаемых вопросов, в связи с чем представляется актуальной.

«Языковую картину мира писателя следует определить как индивидуально и творчески вербализованное представление о мире, пропущенное через призму сознания автора, внутренняя духовная действительность, которую художник стремится воплотить вовне» [Кочнова 2015: 53]. Языковую картину мира писателя можно описать на основе анализа его индивидуальной языковой системы, в которой проявляются особенности индивидуального художественного мышления, видения мира и его воплощения.

В творчестве каждого поэта можно выделить ключевые темы. Для А.С. Пушкина одной из таких тем является тема природы. Поэту, во многом за счет мастерского владения словом, удается создать яркие образы. Природа в стихах Пушкина живет, дышит, представляет собой деятельное и одушевленное начало. Красота природы вызывает восхищение у поэта, ее изменчивость порождает описание разных времен года.

«В русской литературе начала XIX века отчетливо выделяются стихотворения, объединенные универсальными кодами и мотивами. Так складываются зимние, весенние, летние и осенние тексты... Мы именуем

определенные произведения первых десятилетий XIX века сезонными текстами русской литературы, отмечая, что каждое время года обладает ярко выраженной сюжетной и образно-смысловой парадигматикой» [Шохина 2017: 3]. Исследователи выделяют в творчестве А.С. Пушкина ряд ключевых тем. Одной из таких тем, пронизывающих все творчество поэта, является тема осени.

С лингвистической точки зрения все языковые единицы, связанные с реализацией образа осени, можно объединить в полевую структуру. «Семантическое поле - это совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями. Для сигнификативного слоя упомянутое сходство трактуется как связь с некоторым (одним и тем же) набором понятий, для денотативного слоя - как связь с одним и тем же набором объектов внешнего мира, для экспрессивного слоя - как связь с одним и тем же набором условий речевого общения, для синтаксического слоя - как связь с одним и тем же набором синтаксических отношений между частями речевых отрезков» [Городецкий, 1969: 73].

В нашей работе мы сконцентрируем внимание на процессуальных единицах, входящих в это поле. Интерес к процессуальной составляющей обусловлен тем, что в творчестве поэта природа часто одушевляется, наделяется способностью к самым различным действиям.

При помощи процессуальных единиц и слов с близкой семантикой в произведениях Пушкина выражается цветовой образ осени, характеризуется ее процессуальный образ.

Объектом в нашей работе является семантическое поле «осень».

Предметом – единицы процессуальной семантики, входящие в семантическое поле «осень».

Цель работы состоит в выявлении роли процессуальной характеристики в языковом поле «осень».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. описать средства выражений процессуальной характеристики в русском языке;
2. описать роль процессуальной характеристики в создании художественного образа;
3. определить состав процессуальных единиц и глаголов входящих в языковом поле «осень» в поэзии А.С. Пушкина;
4. выявить роль процессуальных единиц в языковом воплощении образа осени в лирике Пушкина.

Для достижения поставленной цели и реализации задач исследования были использованы следующие **методы**: описательный, метод сплошной выборки, метод контекстного анализа, метод дефиниционного анализа.

Работа состоит из Введения двух глав, первая из которых носит реферативный, а вторая исследовательский характер, Заключения, списка использованной литературы и Приложений.

Во Введении определяются цель и задачи исследования, его предмет и объект, указываются основные методы, ведущие к достижению цели. В первой главе описывается понятие семантического поля, дается характеристика глаголу как части речи. Во второй главе представлен анализ лирических произведений А.С. Пушкина, на основе которого выявляется характер представления процессуального признака в семантическом поле осень. В Заключении сформулированы основные выводы по результатам проведенного исследования.

КОНФЕРЕНЦИИ?

Глава 1 Языковые средства выражения процессуальной характеристики предмета

1.1. Понятие семантического поля в лингвистике

«Наиболее сложным системным объектом семантической типологизации являются языковые картины мира, совмещающие в себе универсальные и национально-специфичные концепты. ЯКМ... - вполне конкретная лингвистическая категория, представляющая собой совокупность реконструированных семантических полей, классов взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц языка» [Денисенко, Рыбаков 2009: 30].

Семантическое поле – лингвистическое понятие, которое имеет в лингвистике различные определения, построенные на актуализации разных признаков. «Лексико-семантическое поле – сложная лексическая микросистема, которая объединяет слова по семантическому принципу и обладает специфической полевой структурой» [Куренкова 2006: 176]. З.Н. Вердиева в определении поля делает акцент поле его на составе. Согласно ее определению поле - это «совокупность слов различных частей речи, объединенных общностью выражения одного понятия. Именно понятие и служит основой интерпретации слов в поле» [Вердиева 1986: 4]. Близкой точки зрения на критерии определения понятия придерживается В.М. Солнцев, который определяет поле как «совокупность ... разноуровневых языковых элементов,

объединенных на основе принципа инвариантности» [Солнцев 1977: 89]. А.К. Башарина в качестве основы поля выделяет два принципа: семантический и функционально-семантический. Первый проявляется в общности значения единиц в составе поля, второй основывается на комбинации лексико-синтаксических признаков, взаимодействующих на основе общности их функций, базой для которых является определенная семантическая категория. «Поля, выделенные на основании этих признаков, представляют собой семантические системные образования, характеризующиеся специфическими связями и отношениями» [Башарина 2007: 95].

Анализ определений семантического поля позволяет заключить, что критерием определения взаимосвязи лексических единиц и их включения в определенную группу могут выступать «лексические значения в целом» [Долгих 1973], “смысловой признак” [Васильев 1971], «семантический признак» [Караулов 1976], различные значения какого-либо слова или варианты его значения, компоненты значения и другое. В качестве общего элемента, объединяющего все единицы в составе поля, могут также выступать понятие, тема, какая-либо ситуация.

Понятие «семантическое поле», по мнению многих лингвистов, недостаточно точно определено, поэтому многие ученые предпочитают использовать более узкий термин – лексико-семантическое поле. В научных работах лексико-семантическое поле рассматривается как объединение

лексических единиц, имеющих общее содержание и отражающих определенный предметно-понятийный отрезок действительности [Алексеева 2009]. Как видим из этого определения, между ним и определениями семантического поля есть общий компонент – указание на общность значения единиц, принадлежащих к одному полю. Однако эти понятия не совпадают полностью, т.к. в определении лексико-семантического поля сделан акцент на соотнесенности с действительностью.

В лингвистической литературе есть и другие определения, сформулированные на основе общности значения единиц. Ю.М. Караулов писал о разделении словарного состава языка на семантические поля (например, поле «радость»), лексико-семантические группы (например, группа слов со значением «изменение»), тематические группы (например, «наименования птиц»), синонимические ряды (например, ряд с инвариантным значением «храбрый») [Караулов 1976, с. 314].

Еще одним термином, основанном на смысловой общности, является концепт. Впервые термин употребил С.А. Аскольдов-Алексеев. Он понимал под концептом мысленное образование, которое в процессе мышления замещает неопределенное множество предметов, действий одного и того же рода [Аскольдов-Алексеев 1928]. Д.С. Лихачев в концепте видел обобщение различных значений слова в индивидуальных сознаниях носителей языка [Лихачев 1993].

М.В. Пименова понимает под концептом «некое представление о фрагменте мира..., имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [Пименова 2004: 10].

Таким образом, между терминами семантическое поле, лексико-семантическое поле, концепт есть нечто общее, но их не следует рассматривать как синонимичные, т.к. совпадают не полностью. Мы в своей работе будем использовать термин семантическое поле, потому что он представляется нам наиболее полно подходящим для задач нашего исследования.

1.2. Глагол как основное средство представления процессуальной семантики

Глагол – одна из самых сложных, семантически и грамматически содержательных частей речи. Русские (М.В. Ломоносов, проф. А.А. Потебня, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев и др.) и зарубежные лингвисты (В. Гумбольдт, Х. Штейнталь и др.) говорили о главенстве глагола в системе частей речи. А.А. Потебня «рассматривал эволюцию предложения и частей речи в направлении от имени к глаголу как проявление общей эволюции человеческого мышления в направлении от категории субстанции к категории процесса, от идеи материи к идее процесса» [Мигирин 1973: 56]. В современном русском языке глагол

относят к знаменательным частям речи. «Знаменательные (самостоятельные, полнозначные) части речи служат для называния предметов, признаков, количества, действий, состояний. В предложении они выступают тем или иным членом предложения» [СРЯ 2015:11]. В состав самостоятельных частей речи включают: а) имена — имя существительное (*девушка, стол, окно* и др.), имя прилагательное (*добрый, стеклянный, отцов, птичий* и др.), имя числительное (*один, семь, четвертый, одна вторая* и т.д.), местоимение (*я, твой, тот, который, каждый* и др.); б) глагол (*видеть, плыть, радоваться* и т.д.); в) наречие (*близко, высоко, вполне, пешком* и др.); г) слова категории состояния (безлично-предикативные слова (*нужно, пора, горячо, сыро* и т.п.)).

При характеристике любой части речи важным является определение общекатегориального значения. «Глагол – это часть речи, обозначающая действие или состояние как процесс (семантический признак). Глагол – часть речи, объединяющая в своем составе слова, обозначающие действие, т. е. имеющая общекатегориальное значение процессуальности» [Никонова 2008: 137].

При определении общекатегориального значения глагола используется также термин «процессуальный признак предмета». Глагол и существительное, которое этот глагол определяет процессуально, имеют тесную связь. Обозначение процессуального признака обусловлено предметом, которому он приписывается. «Каждый глагол включает в себя анафорическую предметную

сему, т. е. отсылает к предмету как источнику действия... В личных формах глагола эта особенность проявляется в том, что глагольное окончание предопределяет тип действующего предмета, ограничивает возможности его морфемного выражения (пишу -> я, пишешь —> ты, пишет —> он, она, оно, человек). В неличных формах (инфинитиве, причастии и деепричастии) — в синтаксических связях и синтаксической дистрибуции» [Камынина 1999: 140].

Глагол обладает самой обширной морфологической парадигмой, широта которой обусловлена разнообразием грамматических категорий. Одни из этих категорий, например, вид, залог, наклонение, время, лицо есть только у глагола. Другие (род, число) не являются специфически глагольными, т.к. также входят в именную парадигму. С морфологической стороны глагол характеризуется обязательностью словоизменения: в языке нет неизменяемых глаголов, хотя у глагола есть неизменяемые формы.

Разные глагольные словоформы имеют неодинаковый набор морфологических категорий. Одни категории обнаруживаются во всех глагольных словоформах (постоянные глагольные категории - вид и залог). Другие категории (непостоянные грамматические категории глагола - наклонение, время, лицо, число, род) имеют не все глагольные словоформы. Наклонение, время, лицо в спрягаемом глаголе неразрывно связаны с выражением синтаксической предикативности.

Грамматическая неоднородность глагольных форм привела к спорам по поводу состава глагола как части речи. В лингвистической литературе представлен широкий и узкий подход к определению объема глагола как части речи. Полная парадигма глагола включает более 200 форм. Если глагол понимается узко, то соответственно меньше форм образует его полную парадигму (без причастий и деепричастий) - примерно 130-140 форм.

Широкое понимание глагола было введено, Г.П. Павским, затем поддержано Ф.И. Буслаевым, А.А. Шахматовым, Л.В. Щербой, А.Н. Гвоздевым, академическими и большинством вузовских грамматик. Сторонником широкого подхода является А.В. Кравченко, который включает в парадигму глагола как части речи следующие формы: «личные видовременные формы, инфинитив, два типа причастия (действительные и страдательные)... и два деепричастия» [Кравченко 2004: 133]. А.Н. Тихонов также придерживается широкого подхода. В своей монографии «Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования» пишет: «Среди остальных частей речи глагольное слово характеризуется самой разветвлённой системой грамматических форм. Если одно существительное может иметь 12 грамматических форм, а одно прилагательное (качественное) – 78 грамматических форм, то один глагол способен иметь 395 форм» [Тихонов 1998: 6].

Критика такого подхода связана, прежде всего, с тем, что при широком подходе в одну часть речи объединяются слова, обладающие разным набором

грамматических признаков. «Глаголы в формах настоящего, будущего и прошедшего времени в любом из наклонений называются личными или спрягаемыми» [СРЯ 1995: 54]. Личные (спрягаемые, предикативные) формы обладают самым обширным набором грамматических категорий (вид, залог, время, наклонение, лицо). Они образуют ядро глагола как части речи. Периферию образуют формы глагола, которые обладают неполным набором грамматических признаков, свойственных данной части речи или имеют, кроме глагольных, признаки другой части речи: инфинитив (начальная форма глагола), причастие (совмещает признаки глагола и прилагательного), деепричастие (совмещает признаки глагола и наречия).

В узком понимании термина «глагол» в состав глагольной лексики включают только спрягаемые формы, к которым относят и инфинитив, т.о. за пределами парадигмы глагола остаются причастия и деепричастия, хотя и тесно связанные со спрягаемыми формами лексическим значением корней, но в значительной степени отличающиеся категориальным значением, грамматическими и словообразовательными особенностями, то есть всем комплексом дифференциальных признаков. Лингвисты, которые считают неправильным отнесение к глаголу гибридных форм (причастия и деепричастия), являются сторонниками узкого подхода к определению объема глагола как части речи. Еще одним аргументом в пользу такого подхода лингвисты называют синтаксическую разнородность глагольных форм. Личные формы всегда

выступают в функции сказуемого, причастия, как и прилагательные, выполняют роль определения и сказуемого, деепричастие - роль обстоятельства, инфинитив может быть любым членом предложения:

1) *Деревья радостно **трепещут**, купаясь в небе голубом* (Ф. Тютчев)

Трепещут – личная форма, сказуемое;

купаясь - деепричастие, обстоятельство.

2) *Признано и установлено, что искусство слова **родилось** в глубокой древности из процессов труда людей* (М. Горький)

Признано и установлено – краткие причастия в роли сказуемого;

родилось – личная форма, сказуемое.

3) *Находить приметы или самим **создавать** их – очень увлекательное занятие.*

Находить, создавать – инфинитив в роли подлежащего.

4) *Путь человека нельзя **понять**, увидев один его шаг.*

Понять – инфинитив, дополнение.

5) *Перед отъездом он пришёл без зова в избу Насти **поблагодарить** её за заботу и принёс подарки.*

Поблагодарить – инфинитив, обстоятельство цели.

б) В семействе был обычай *давать* шуточные прозвища (Кор.).

Давать – инфинитив, определение.

1.3. Объем процессуальной семантики глагола

Значение процесса как общекатегориальное значение свойственно всем глаголам, независимо от их лексического значения. Глагол представляет как процессуальный признак «действия (*бежать, грузить, рыть*), и состояния (*лежать, спать, страдать*), и отношения (*иметь, преобладать, принадлежать*)» [Русская грамматика 1980].

Категориальная семантика процессуального признака не совпадает полностью с лексической семантикой глаголов. Лексически глаголы могут называться как действия, так и не-действия: процессы (*гнить, сохнуть, извергаться*), события (*жениться, праздновать*), состояния (*болеть, выздоравливать*), отношения (*граничить, принадлежать*) и др.

Указанное выше значение глагола имеются и у слов других частей речи, в частности у существительных и прилагательных. Ср.: *бьют часы кремлевской башни* — бой часов кремлевской башни, *ходил конем* — ход конем, *читал книгу* — чтение книги, *строят объект* — строительство объекта, *лицо краснеет* — лицо его постепенно становится красным и т.д., но только слова *бьют, ходил,*

читал, строят, краснеет относятся к глаголу, а *бой, ход, чтение, строительство, красный* — к другим частям речи.

Это происходит потому, что в отличие от других частей речи глагол, называя действие, состояние, признак, отношение к кому-нибудь или чему-нибудь, указывает, во-первых, на производителя, деятеля (субъекта) — *кто-то или что-то ходит, читает, бьет, краснеет*, во-вторых, на время совершения действия (*бьют, ходил, читал*). В-третьих, глагол располагает такими формами, которые позволяют оценивать действие, состояние, признак как реальное или только желаемое, возможное: *удвоим, удвойте, удвоили бы; строим, стройте, строили бы*.

Понятие процесса в определении глагола включает в себя разнообразные значения: конкретное действие (*строить, рисовать*), движение и перемещение в пространстве (*ходить, летать*), физическое и душевное состояние (*спать, тосковать*), деятельность органов чувств (*видеть, слышать*), изменение состояния (*слабеть, краснеть*) и т. д.

Семантическая классификация глаголов представляет собой сложную проблему, не нашедшую до сих пор однозначного решения. В многочисленных работах наблюдаются расхождения «как в критериях анализа, так и в количестве выделяемых групп глаголов речи. В большинстве случаев четкая формулировка критериев отсутствует» [Маркевич, Середа 2016: 4].

Так, относительно одной из тематических групп – глаголов речи – в лингвистической литературе существует несколько классификаций. Например, М.К. Милых четко разграничивает две группы: глаголы речи и все другие глаголы, вводящие прямую речь, которые в своем основном значении выражают внутренние состояния и чувства, либо указывают на жесты, мимику, движения говорящего, либо являются глаголами мысли и восприятия [Милых 1958].

Классификация глаголов речи в русском языке, составленная Л.В. Васильевым, выглядит следующим образом:

1. глаголы с общим значением устной и письменной речи;
2. глаголы со значением речевого взаимодействия и контакта;
3. глаголы со значением побуждения;
4. глаголы со значением оценки, содержащейся в речи;
5. глаголы, характеризующие коммуникативную сторону речи;
6. глаголы со значением эмоционального отношения, чувства;
7. глаголы, характеризующие характер выражаемой мысли, истинность или неистинность высказываемого [Васильев 1981].

Движение, или перемещение являются основными признаками глагола во всех языках мира. «Концепт пути, как целенаправленное движение играет большую роль применительно не только к жизни человека, но и его ментальным действиям и движениям, поскольку они целенаправленны» [Арутюнова 1999]. Глаголы движения в русском языке образуют весьма специфичную как в плане семантики, так и плане грамматических признаков, группу. Внутри данной группы образуется семантическая оппозиция однонаправленных и разнонаправленных глаголов. Эта характеристика существенно дополняется значениями приставок, которые, присоединяясь к глаголу, уточняют его пространственные характеристики. С точки зрения грамматических признаков специфику данной группы показывает отсутствие у глаголов движения видовых пар.

Глаголы физического действия отличаются разнообразием в семантическом плане. Это глаголы разделения на части (*пилить, резать, рвать*), глаголы соединения (*шить, клеить, клепать*), изменения формы (*гранить, гнуть, мять*), очищения (*мыть, чистить, стирать*), приготовления пищи (*варить, жарить, печь*), покрытия (*мазать, красить, лакировать*), изменения агрегатного состояния (*плавить*), глаголы рытья (*рыть, копать, боронить*), пропитывания (*мочить, дубить, квасить*), обработки поверхности (*скоблить, циклевать, точить*) и другие. Данная группа также имеет отличительные семантические и грамматические признаки, которые у них очень тесно связаны.

На уровне семантики все глаголы данной группы обозначают действие, направленное на объект. В грамматике глаголы с такой семантикой определяют как переходные. Переходность проявляется на уровне словосочетания как способность глагола присоединять прямое дополнение (В.п. имени существительного без предлога – *пилить дрова*; Р.п. при отрицании – *не мыть рук*).

Глаголы могут указывать не только на действия и состояния, но и на признаки (*зеленеет луг*), количество (*удвоили, утроили энергию*), на отношение к кому-нибудь или чему-нибудь (*уважал своего товарища*).

Как видно из довольно краткого обзора, представленного нами, глагол в плане значения может раскрывать большое количество процессуальных оттенков. Семантические возможности глагола обусловлены не только его лексическими признаками, но и грамматической спецификой данной части речи.

1.4. Полисемия глагола как основа образования глагольных метафор

Одним из наиболее очевидных свойств слов естественного языка можно считать их неоднозначность. Термин «**многозначность**» часто употребляется как синонимичный к термину «**полисемия**».

Лексическая полисемия – способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности. Л.А. Новиков отмечает: «Полисемия как лексическая категория - это семантическое отношение внутренне связанных (мотивированных) значений, выражаемых формами одного слова (одной лексемой) и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим позициям этого слова» [Новиков 1982: 189].

Многозначность слова в языке является результатом неустойчивого равновесия между обозначающим и обозначаемым. На эту особенность обратил внимание С.О. Карцевский, который сформулировал «закон асимметрии языкового знака» [Карцевский 1965]. Знак и значение обычно не совпадают полностью друг с другом, т.к. один и тот же знак стремится обладать несколькими функциями, кроме собственной, чтобы выразить себя другими средствами, а значение стремится к тому, чтобы выразить себя другими средствами, чем его собственный знак. Они находятся в состоянии неустойчивого равновесия, поэтому каждая языковая единица является потенциально многозначным словом и синонимом одновременно.

Лексическое значение слова – величина динамичная. Например, у слова *свежий* основным является ЛСВ «не утративший своих хороших, естественных свойств», например, *свежий хлеб*. В словосочетаниях *свежий платок*, *свежий воротник* реализуется еще один ЛСВ слова *свежий* – «чистый». Несовпадение

формы и содержания проявляется здесь в том, что с одной стороны, знак *свежий* не просто раскрывает свое основное значение «не утративший хороших естественных свойств», но и захватывает в определенных контекстных условиях другие значения, связанные с основным, расширяя свою семантику. Такая подвижная структура лексического значения находится в полном соответствии с необходимостью обозначать безграничное количество предметов, свойств и отношений действительности сравнительно ограниченными средствами языка.

В процесс развития языка слово в результате употребления в разных контекстах частично видоизменяется, что приводит к формированию новых значений. Каждое из возникших лексических значений слова закрепляет свою связь с определенным кругом слов в словосочетаниях, ср., например, *холодное утро, холодные цвета спектра, холодный взгляд*. Способность слова иметь несколько взаимосвязанных значений, с одной стороны, отвечает устремленности языка к экономии средств, в данном случае это проявляется в именовании различных, но соотнесенных, сходных в чем-то предметов одним словом, с другой стороны, отражает важнейшее свойство человеческого мышления – обобщенное отражение действительности.

Многозначные слова представляют собой единство одного звучания и двух или нескольких взаимосвязанных значений: слово *лицо* имеет значения

«передняя часть головы человека» (*приятное лицо*) и «отдельный человек в обществе» (*частное лицо*). Оно является нежесткой, открытой структурой с нестрогим фиксированным количеством значений. Характерной особенностью полисемии является и регулярность, типичность отношений ЛСВ в структуре многозначных слов. Также все значения многозначного слова имеют одинаковое материальное выражение. Д.Н. Шмелев подчеркивает, что «употребление слова в различных по смыслу словосочетаниях не разрушает семантического единства и тождества слова, опирающегося на тождество его звуковой формы» [Шмелев 1973: 74]. Общность звукового комплекса лингвист называет решающим доводом в пользу того, чтобы считать ЛСВ словом.

Изучение многозначности лексики имеет особо важное значение для стилистики. Наличие различных значений у одного и того же слова объясняет особенности употребления его в речи, влияет на его стилистическую окраску. Так, различные значения слова могут разойтись стилистически. Например, слово *дать*, стилистически нейтральное в сочетаниях *дать книгу, дать работу, дать совет, дать концерт* и т.п., приобретает разговорную окраску в восклицаниях, призывающих к осуществлению чего-нибудь или содержащих угрозу (- *Я те дам полегоньку. Постреленок!* - крикнула Мавра Кузьминична, замахиваясь на него рукой. Л. Толстой). Со значением *ударить* этот глагол используется в просторечии (- *Смотрю, - рассказывает егеря, - этот самый Мишка (олень) стоит возле*

меня, голову нагнул, глаза кровью налились, и собирается дать мне (М. Пришвин)). Глагол *дать* употребляется и в выражениях, имеющих профессиональную окраску (*Дав лошадям шпоры, полковник с есаулом понесли галопом к площади.* - Н.Островский).

Полисемичное слово может иметь разную лексическую сочетаемость. Например, слово *низкий* в своем основном значении «малый по высоте, находящийся на небольшой высоте от земли, от какого-нибудь уровня», имеет широкие границы лексической сочетаемости (*низкий человек, рост, гора, берег, дерево, лес, дом, забор, столб, стол, стул, мебель, шкаф, каблук*), но, выступая в значениях «*плохой*» или «*подлый, бесчеловечный*», сочетается далеко не со всеми словами, к которым подходит по смыслу (нельзя сказать: *низкое здоровье, низкие знания, низкий ответ или низкий студент*).

Среди многозначных слов встречаются такие, у которых развиваются противоположные, взаимоисключающие значения. Например, *отходить* может означать «приходить в обычное состояние, чувствовать себя лучше», но это же слово может означать *умирать (отойти в вечность)*. Развитие противоположных значений у одного слова называется внутрисловной антонимией (антонимией значений), или энантиосемией.

Многозначные слова они имеют достаточно обобщенные значения; однозначные слова имеют либо предельно конкретную семантику (как имена

собственные), либо узкопредметное значение (*бинокль, бинт*). Однозначное слово со временем может проявить заложенную в нем способность к полисемии.

Многие глаголы в русском языке являются многозначными. Рассмотрим особенности образования переносных значений на примере глаголов перемещения. У глаголов данного лексико-грамматического разряда практически во всех случаях от основного значения к производному теряется акциональность: в основных значениях субъект чаще всего одушевленный, и он, как правило, выполняет активное и целенаправленное действие, а в производных значениях субъектами являются неодушевленные предметы или субстанции, а глагол обозначает самопроизвольное движение объекта – процесс или воздействие, если речь идет о природных явлениях (ср. *Я вышел из аудитории – Дым вышел из трубы; Выбросить старые вещи– Корабль выбросило волной на берег*).

В Активном словаре русского языка у глагола выбросить представлены следующие значения: 1.1 ‘бросая, переместить вовне’: *в поисках денег выбрасывать бумаги из ящиков стола.*

1.2. избавиться от ненужной вещи: *выбросить весь хлам на свалку.*

1.3. переместить в открытое пространство [о стихийной силе]: *Шторм выбросил рыбацкие лодки на берег.*

2.1. разг. вычеркнуть часть текста: *выбросить из романа все упоминания о Сталине.*

2.2. разг. выгнать: *Он был выброшен с работы.*

2.3. разг. потратить впустую: *выбрасывать огромные деньги на избирательную кампанию.*

3. выдвинуть резким движением: *выбросить руку вперед.*

4.1. дать росток: *Луковица выбросила стрелки.*

4.2. вытолкнуть наружу: *Вулкан выбрасывает тонны пепла.*

5. уходящ. разг. начать продавать: *В магазине выбросили дефицитный товар*
[Активный словарь русского языка].

У данного глагола «от центральных к переносным значениям утрачивается компонент перемещения, а именно начальная и конечная точки и путь, перестают быть четко выраженными, и, таким образом, значение перемещения переходит в значение начала локализации (ср. выступить 1.1: выступить из-за угла в центр комнаты – выступить 3: слёзы выступили на глазах; высыпать 1: высыпать крупу из банки в миску высыпать 2.3: мурашки высыпали по телу)»
[Василисина, Зарифян, Казакова, Сударикова].

Современная лексикология видит в многозначности слов их способность к семантическому варьированию, т.е. изменению значения в зависимости от контекста. Например, слово *взять* имеет до 50 значений, но вне контекста мы их не воспринимаем. Вне связи с другими словами глагол *взять* воспринимается лишь с одним, основным значением - «схватить». Употребление же этого слова в речи раскрывает все богатство его значений. Например, у А.С. Пушкина *взять* встречается в таких значениях: 1) захватить рукой, принять в руку - *...И каждый взял свой пистолет*; 2) получить что-нибудь в свое пользование - *В награду любого возьмешь ты коня*; 3) отправляясь куда-нибудь, захватить с собой - *С собой возьмите дочь мою*; 4) заимствовать, извлечь из чего-нибудь - *...надписи, взятые из Корана*; 5) овладеть чем-нибудь, захватить что-нибудь - *«Все возьму», - сказал булат*; 6) арестовать - *Швабрин! Очень рад! Гусары! возьмите его!*; 7) принимать на службу, на работу - *Хоть умного себе возьми секретаря* и т.д.

Развитие производных значений часто происходит в результате метафоризации. «Современное понимание метафоры как сравнения включает следующие уточнения: метафора возникает только на базе образных сравнений классов объектов, а" основание сравнения указывает на постоянное свойство субъекта метафоры и не ограничено одним четко выраженным признаком» [Ваулина 1994].

Метафоризация глагола может быть результатом одного из трех семантических процессов:

- 1) перенос субъекта, обозначаемого глаголом, из одной семантической сферы в другую (например, *парит в воздухе - человек парит мыслью; пчела ужалила меня - он ужалил меня своими словами*);
- 2) перенос объекта действия из одной семантической сферы в другую (*кусать хлеб – кусать собеседника; изнашивать одежду – изнашивать чувства*);
- 3) изменения содержания действия при возможной сохранении субъекта (и объекта для переходных глаголов) тех же семантических сфер, что и в прямом значении (*сгибаться под тяжестью ноши - сгибаться от забот*).

Глаголы, у которых в русском языке возникли метафорические значения, могут быть разделены на следующие семантические сферы:

Семантическая сфера «Материальный мир» включает глаголы, которые описывают в исходных значениях явления погоды, атмосферные явления, изменения местности и рельефа, состояние почвы и источников воды (*обмелевать, зарастать*): состояние и движение жидкости (*натекать, вскипятиться*); перемещение предметов в пространстве, изменения состояния и свойств объектов материального мира, в том числе и в результате использования их человеком (*изнашиваться, задеревенеть*); физические и химические

процессы, происходящие в неживой природе (*весить, пахнуть*) и в мире растений (*назревать, расцветать*).

Семантическая сфера Животный мир включает в свой состав глаголы, основные значения которых характеризуют различные стороны жизни животных - их перемещение и движение (*порхать*); действие органов чувств, прежде всего обоняния (*чуть, унюхать*); производимые животными звуки (*прощебетать, твкать*); состояние покрова и частей тела животных (*нахохлиться, ощетиниваться*); процесс питания животных (*жировать, заедать*); образование и функционирование групп животных и места их обитания (*роиться, гнездиться*); отношения животных с человеком в процессе его трудовой деятельности (*натравливаться, рассупониваться*).

Семантическая область Человек состоит из нескольких семантических сфер и дает большую часть всех метафоризирующихся глаголов.

Семантическая сфера Человек как физическое существо

Глаголы, входящие в эту сферу, описывают человека с биологической точки зрения. Они характеризуют периоды жизни человека, его здоровье (*мужать, задыхаться*), действие органов восприятия человека (*коситься, подслушивать*), производимые человеком звуки (*охать кряхтеть*); положение человека в пространстве, его движения и жесты (*перешагивать*).

Глаголы семантической сферы **Человек как психическое существо**

В этой семантической сфере чаще всего метафоризируются глаголы, описывающие эмоции, черты характера, умственную деятельность человека (*купают чувства, блещет умом*).

Глаголы, образующие семантическую сферу **Человек как социальное существо** описывают поведение человека и его положение в обществе - поведение по отношению к другим членам общества (*модничать*); положение человека в обществе, участие в общественной жизни (*законодательствовать*): его трудовую деятельность, участие в процессе труда, отношение к материальной собственности (*актерствовать, прозондировать, наживать*).

Общеязыковые метафоры следует отличать от индивидуально-авторских, значение которых рождается в художественном контексте и не становится достоянием языка. Например: *серп луны, свод небес* - общеязыковые метафоры, а *Небо как колокол, месяц* - язык - самобытный художественный образ С.А. Есенина. Индивидуально-авторские переносы значений наиболее заметны и эмоционально выразительны.

Глава 2 Процессуальный образ осени в поэзии А.С. Пушкина

2.1. Осень в русской языковой картина мира

Времена года занимают важное место в картине мира любого народа, поскольку они тесно связаны с понятием времени как универсальной категории, с ее конкретной реализацией как природного времени, а также с миром человека. «Темпоральные представления человека о мире – это особая форма отображения реального времени, создаваемая силой воображения личности, осложненная её философским миропониманием» [Кочнова 2015: 3].

Осень в языковой картине мира русского народа реализуется в самом слове *осень*, в производных словах *осенний*, *предосенний*, *по-осеннему*, *осенью*, *осенины*, *осенник*, авторских неологизмах – *очей очарованье* (А.Пушкин).

Образ *осени* в русских поговорках и художественных текстах осмысливается как ‘пора увядания природы’, ассоциативно связывается со старостью и приближением смерти.

В паремиологическом фонде русского языка речи *осень* противопоставляется весне: «*Весной дождь парит, а осенью мочит*», «*Весной ведро воды – ложка грязи, осенью ложка воды – ведро грязи*», «*Осень прикажет, а весна свое скажет*», «*Осень-то матка; кисель да блины; а весна – мачеха: сиди да гляди*», «*Осень хвастлива, весна справедлива*», «*Корми меня весной, а осенью я сам сыт*

буду», «Весна дает цветы, а осень – плоды» [цит. по Жуков 1991; Шанский 1996]. Противопоставление строится по принципу: *осень* – ‘урожай, богатство’ (кисель да блины), ‘грязь, сырость’ и *весна* – ‘голод’, т.е. ведущим признаком является сытость, наличие пищи. *Осень* в народе называют с любовью *матерью (матка)*, *жирухой* и осмысляется она как богатое время года, полное запасов: «*Осень пришла, урожай принесла*», «*В ноябре осень-жируха со злоюкой-зимой борются*», «*Осенью скот жиреет, а человек добреет*». Изобилие радует не только человека, но и животных: «*В осень и у воробья пиво*», «*В осень и у вороны копна, не только у тетерева*», «*Осенью и у кошки пирог*», «*Осенью и воробей богат*» и др.

В паремиях лексема *осень* часто употребляется как «холодное время года»: «*Осеннее тепло обманчиво*», «*Сентябрь холоден, да сыт*», «*В сентябре днем погоже, да по утрам негоже*», «*Ноябрь зиме (морозам) дорожку торит (кажет)*», «*Холоден батюшка октябрь, а ноябрь и его перехолодил*». И если будут теплые денечки, то русский человек говорит: «*Бабье лето как бабье счастье – коротко*», «*Тихи сентябрьские дни – нарядно бабье лето*».

В пословицах и поговорках также представлено противопоставление *осень* – *зима*. Здесь противопоставление «урожай, изобилие» – «голод» повторяется: «*Осень – собериха, зима – подбериха*». Конец *осени* (ноябрь) осмысляется как «предзимнее время года, со всеми признаками зимы: снег, стужа, лед на реке»: «*Невелика у ноября кузница, а на все реки оковы кует*», «*Не сковать реку зиме без*

ноября-кузнеца», «Не диво в ноябре белые мухи (снег)». Поздняя осень – «самое темное время года»: *«В ноябре рассвет с сумерками среди дня встречаются», «Ноябрь — сумерки года», «Ноябрьские ночи до снега темны».*

С эмоциональной точки зрения *осень* не определяется точно. С одной стороны, она характеризуется позитивно: *осень* – славная, прекрасная, пышная, с другой, негативно – грустная, унылая, скучная, тоскливая. Неоднозначность восприятия осени связана с чувством потери жизненных сил, увяданием: *«В осеннее ненастье семь погод на дворе: сеет, веет, крутит, мутит, рвет, сверху льет, а снизу метет», «В сентябре лес реже и птичий голос тише», «В сентябре и лист на дереве не держится»* и др.

В представлении осени в русской языковой картине мира существенное место занимает цветовой образ. Цвет увядающей осенней листвы – золотой, багряный, желтый, янтарный. Яркость красок привлекает к ней внимание, вызывает положительные эмоции. При описании *осени* часто употребляется метафора «золотое время года», устойчивое словосочетание *золотая осень*, как стереотипный образ, глубоко закрепленный в сознании русского человека.

«Признаком русскости, важнейшей чертой русского национального характера часто называют чувство неосознанной грусти, печали, тоски, которые связаны с поздней осенью. Причем нередко возникает мотив осенней депрессии, осенней хандры» [Кузнецова 2015].

Холодные ветреные осенние дни сменяют теплую летнюю пору: *«В сентябре лето кончается, осень начинается», «Осень – перемен восемь»*. Осень напоминает человеку о том, что скоро наступят холода: *«В сентябре огонь и в поле, и в избе», «В сентябре держись крепче за кафтан», нужно начать работу, связанную с новым сезоном: «Цыплят по осени считают», «Чтоб хлеб осыпаться не мог, вали его скорее с ног», «Спелому колосу – серп удалой»* и др.

Осень в художественной картине мира представляется как поэтическое время года: *«Лес, точно терем расписной, лиловый, золотой, багряный»* (И. Бунин), *«Унылая пора! Очей очарованье!»* (А.Пушкин). В поэзии *осень* нередко представляется как одушевленное, живое существо, волшебница, чаровница; баба, вдова, инокиня; рыжая кобыла: *«Осень – рыжая кобыла – чешет гриву»* (С.Есенин). В стихотворении А.С.Пушкина «Осень» образ *осени* становится символом вечного круговорота природы, жизненной активности автора, символом поэтического труда, «болдинская осень», пора творчества. «В русской поэзии ОСЕНЬ связана с такими словесными образами (окрашенными часто негативно), как сон, плен, тоска, грусть, тревога, скорбь, смерть. Позитивные словесные образы осени в поэтических текстах — пир, краса, чары, ласка, нежность, поцелуй, улыбка Краски осени, осенней листвы в поэзии материализованы в предметных образах ткань, флаги, сети, завеса, убор, покров, плащ, храм, терем и под.» [Цзу Сюэцин 2009].

В народном календаре у каждого месяца свое имя: сентябрь – *хмурень*, октябрь – *грязник*, ноябрь – *грудень*. Значимы даты: «*Осень длится от Ильи до Покрова*», «*Покров, натопи нашу хату без дров*».

«В русской языковой картине мира образ *осени* формируется с помощью лингвистических средств через номинацию, семантические наполнения: времена года, *осень*, *осенний*, *по-осеннему*, *золотая осень*, *осень жизни* и др., с помощью лингво-поэтических, словесных образов: *осень – рыжая кобыла*, *осенний лист – золото*, *медь*, *янтарь*, лингвокультурологических: народные названия месяцев, дат: *березозол*, *паздерник*, *червень*, *серпень* и др., реализуется в пословицах, пословичные приметы, праздники и обряды» [Кузнецова 2015].

2.2. Состав семантического поля «осень» в стихотворениях А.С. Пушкина

«Изучение языковой картины мира личности в последнее время нередко заставляет обращаться к исследованию языка писателя через изучение лексико-семантической системы с помощью полевой методики» [Кочнова 2014]. Полевой подход позволяет выявить специфику ценностной ориентации и языковых приоритетов поэта, особенности индивидуально-авторского словоупотребления и т.д. «Лексико-семантическое поле (ЛСП) представляет интерес для исследования языковой картины мира писателя с точки зрения содержания, состава (эксплицирует фрагмент мировоззрения писателя), с точки зрения структурной организации, которая отражает специфику ценностной

ориентации и языковых приоритетов личности» [там же]. Анализ авторского лексико-семантического поля показывают, как выражены те или иные понятия в индивидуальной языковой системе писателя, выявляют их специфику в его художественном мировоззрении.

Сам поэт неоднократно в прозе и в стихах повторял, что осень – его любимая пора. Для него осень была временем творческого подъема, особого вдохновения. Живя в своём имении Болдино, он пишет много проникновенных произведений: *В мои осенние досуги, В те дни, как любо мне писать, Вы мне советуете, други, Рассказ забытый продолжать* [В мои осенние досуги, т. 1: 578];

...мысли в голове волнуются в отваге, И рифмы лёгкие навстречу им бегут, И пальцы просят к перу, перо к бумаге, Минута — и стихи свободно потекут [Осень, т. 1: 522].

Е. В. Шохина в своём исследовании говорит о наличии в литературе первых десятилетий XIX века так называемых сезонных текстов, в которых каждое время года обладает ярко выраженной сюжетной и образно-смысловой спецификой [Шохина]. Исследователи выделяют в творчестве Пушкина ряд ключевых тем. Одной из таких тем, пронизывающих всё творчество поэта, является тема осени. В «Словаре языка А.С. Пушкина» указано 58 случаев употребления слова «осень» в значении «осеннее время года, осенний сезон», а также в олицетворении этого времени года: *Уж осени хладною рукою Главы берез и лип обнажены...*

С лингвистической точки зрения все языковые единицы, связанные с реализацией образа осени, можно объединить в полевую структуру. Семантическое поле «осень» в творчестве А.С. Пушкина взаимодействует с другими полями.

В «сезонных» текстах А.С. Пушкина представлена бинарная оппозиция зима — лето, осень — весна, причем данная оппозиция реализуется не только в климатическом ключе, но и в аспекте личностно-оценочном. Так Гукова Л.Н. и Трушицына Е.А. в своей работе указывают, что зима – это не только время года, в которое происходит действие произведения, но и проявление типичного российского пейзажа [Гукова, Трушицына 2014]. Сам поэт утверждал, что «климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии» [Пушкин 1985: 238], поэтому времена года для него не просто сезонные проявления, не просто средства описания пространства и времени, но и условия, влияющие на формирование национального характера.

Оппозицию зиме в поэзии А.С. Пушкина составляет лето, которое автор описывает весьма лаконично и упоминает в своих произведениях существенно реже, чем другие времена года.

В стихотворениях поэта часто рассматривается период перехода от лета к осени, но авторы научных работ склонны включать осень в другую оппозицию (осень — весна), в которой сильным членом является осень, а слабым — весна. «Дескриптором субконцепта осень является слово осень, именуемое сезон, который следует за летом и предшествует зиме» [Гукова, Трушицына

2014: 80]. В стихотворениях А.С. Пушкина можно увидеть такие характеристики концепта *осень* как «время года, сезон» и «период увядания, угасания». Но для поэта важнее не эти признаки увядания природы и погодные изменения (*роща отряхает последние листья с нагих ветвей; пруд застыл; дубравы уснули; дохнул холод*), а то, что осень - красивейшее время года: *тихая, смиренно блистающая прощальная краса; пышное природы увяданье; леса одетые в багрец и в золото; ветра шум; свежее дыханье*.

В словаре В.И. Даля представлено следующее определение лексемы «осень»: «от «осенять» — затенять: наступление сумрака. Осень — переходный сезон, когда заметно уменьшение светового дня и постепенно понижается температура окружающей среды» [Даль 1981: 160]. В художественном осмыслении поэта осень интерпретируется не только как пейзаж, но и как активная сила природы:

Уж осени холодною рукою

Главы берез и лип обнажены,

Она шумит в дубравах опустелых;

Там день и ночь кружится желтый лист,

Стоит туман на волнах охладелых,

И слышится мгновенный ветра свист [Осеннее утро].

Активная воздействующая на другие элементы пейзажа сила осени показана при помощи метафоры, основанной на приеме олицетворения (антропоморфная

метафора *рука осени*), и использования для процессуальной характеристики элементов пейзажа страдательных причастий (*обнажены, опустелых, охладелых*). В анализируемом фрагменте только три природных объекта действуют относительно самостоятельно: лист, туман и ветер. Но для процессуальной характеристики листа и ветра поэт использует возвратные глаголы, значение которых выражает замкнутость действия в субъекте, его неактивный характер.

В стихотворениях А.С. Пушкина в семантическое поле «осень» входит ряд единиц, которые характеризуются с точки зрения выполняемого ими действия. В качестве действующего субъекта в лирике поэта выступает осень, а также типичные проявления сезонных климатических изменений (*хлад, первый снег (как проявление поздней осени), запоздалый лист, желтый лист кружится, речка блистает, льдом одета*), а также изменения пейзажа и отдельных его элементов (*дорога промерзает, пруд застыл, туман стоит, речка блистает, льдом одета, лесов таинственная сень обнажалась, природа трепетна, бледна, как жертва, пышно убрана..., запоздалый лист трепещет, туман ненастный стелется*).

Процессуальная характеристика понимается нами как способность субъекта к определенному действию. Для полноты процессуальной характеристики определим сначала круг субъектов, включенных в семантическое поле осень.

Таковыми субъектами являются: *октябрь, роца, леса, солнце, небеса, дубрава* и др.

Указанные субъекты с точки зрения процессуального признака характеризуются по-разному как с семантико-стилистической, так и с грамматической стороны.

2.3. Процессуальная характеристика осени в лирике А.С. Пушкина

В осенних стихотворениях Пушкина процессуальная характеристика дается чаще всего не осени в целом, а отдельным ее проявлениям:

*Октябрь уж **наступил** – уж роща **отряхает**
Последние листья с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад – дорога промерзает [Осень].*

В данном фрагменте мы можем видеть типичные для осени проявления: *листопад, похолодание*, но они описаны с использованием глагольных метафор, благодаря чему и роща, и осенний холод уподоблены человеку и наделены способностью к самостоятельному действию.

При создании осеннего пейзажа поэт представляет отдельные его части как объекты, подвергшиеся воздействию со стороны более могущественных сил:

*Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото **одетые** леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою **покрыты** небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы [Осень]*

Для этого Пушкин использует глагольные формы страдательных причастий. Таким образом, осень предстает как активно воздействующая на окружающий пейзаж сила.

На грамматическом уровне осень как семантическое поле репрезентируется в стихотворениях А.С. Пушкина существительным (осень), прилагательным (осенний), наречием (осенью). Но состав чувственно воспринимаемых когнитивных признаков и авторских оценок осени в лирике поэта довольно широк.

Среди температурных и сугубо климатических признаков осени в стихах отмечаются холод и ненастье. На уровне климатической и погодной характеристики осень описывается как дождливая, гнилая, её признаки — грязь, туман, ветер, мелкий снег, вой волков, скука:

И туман и непогоды Осень поздняя несёт [Цыганы, т. 2, с. 164];

Под вечер, осенью ненастной, В далёких дева шла местах... [Романс, т. 1, с. 75];

Дохнул осенний хлад — дорога промерзает. Журча, ещё бежит за мельницу ручей [Осень, т. 1, с. 520];

В деревне скучно: грязь, ненастье, Осенний ветер, мелкий снег Да вой волков [Граф Нулин, т. 2, с. 80];

Приближалась довольно скучная пора; Стоял ноябрь уж у двора [Евгений Онегин, глава 4, строфы XL-XLII].

В поэзии А.С. Пушкина осень не только мрачная, холодная и ненастная. Восхищение писателя вызывает осенний пейзаж и тогда он не жалеет колоративов:

Люблю я пышное природы увяданье,

В багрец и в золото одетые леса [Осень, т. 1, с. 520].

Обращение к мажорному изображению осени часто возникает, когда писатель выражает своё личностное отношение к этому времени года: *Дни поздней осени бранят обыкновенно, Но мне она мила, читатель дорогой...* [Осень, т. 1, с. 521];

И с каждой осенью я расцветаю вновь; Здоровью моему полезен русский холод [Осень, т. 1, с. 521].

А.С. Пушкин видит поэтические черты в увядании осенней природы: желтеющая листва деревьев окрашивается у него «в багрец и золото», увядание природы ему видится пышным и чарующим. Это любовное восприятие осени человеком, который преподносит читателю даже и печальные признаки данного времени года как поэтические.

В стихотворениях об осени поэт рисует осенний пейзаж, используя метафорический средства (*небо дышало, туман ложился, ноябрь стоял*, и др.). Метафорически осмысленный процессуальный признак представлен как стертыми метафорами (*октябрь наступил, осенняя погода стояла*) и метафорами, сохранившими живую образность (*небо дышало, роща потряхает*,

осенний хлад дохнул, журча бежит, дубравы уснувшие, одетые леса, туман ложился, ноябрь стоял, Зимы ждала, ждала природа, север, тучи нагоняя, дохнул, завыл; речка блистает, льдом одета, осень холодной рукою главы берез и лип обнажены, осень шумит, ветер слышится, осень поздняя несет людям скучно, людям горе, все спало в сумраке ночном). Метафорический перенос чаще всего происходит в направлении живое – неживое (*осень поздняя **несет** людям скучно, людям горе, туман ложился...*).

Перенос признаков в этой сфере может быть связан с приемом олицетворения, т.е. наделения неодушевленного предмета процессуальными признаками человека (*туман стоит, ветер слышится, осень шумит, бури слышен зимний свист, Зимы ждала, ждала природа, туман ложился, осенний хлад дохнул*). Антропоморфная метафора может быть связана с изменением характерного признака: *лес кудрявый поседел, свод небесный побледнел* (в приведенных примерах происходит изменение цвета). Семантика трансформации процессуального признака поддерживается грамматически. Для выражения изменения цвета в приведенных выше микроконтекстах используются глаголы особого способа действия, указывающего на изменение состояния.

Заключение

Анализ семантических полей позволяет установить особенности языковой картины мира писателя. В нашей работе мы сконцентрировали внимание на процессуальных единицах, входящих в семантическое поле «осень» в лирике А.С. Пушкина. Интерес к процессуальной составляющей обусловлен тем, что в творчестве поэта природа наделяется способностью к самым различным действиям.

Одной из ключевых тем в творчестве поэта является тема осени. При помощи процессуальных единиц и слов с близкой семантикой в произведениях Пушкина выражается цветовой образ осени, характеризуется ее процессуальный образ.

Проведенный в работе анализ позволил сделать следующие выводы:

1. Осень для поэта – не просто часть пейзажа. Она живет и выступает то как активная воздействующая сила, то как часть природы, на которую воздействуют более могущественные силы, т.е. сама природа.

2. Языковой образ осени появляется в лирике А.С. Пушкина в основном из стертых языковых метафор-олицетворений и взаимодействующих с ними более ярких авторских метафор (*роща отряхает, страждут озими, будит лай собак уснувшие дубравы*).

Результаты исследования можно использовать в разработке учебных программ и учебных пособий по методике преподавания русского языка как иностранного, лингвокультурологии, разделу языкознания, рассматривающего соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и национального менталитета и их взаимозависимости.

Список литературы

1. Алексеева Т. М. Лексико-семантическое поле иллокуции: определение и структура/URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/leksikosemanticheskoe-pole-ill-okutsii-opredelenie-i-struktura>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз.рус. – (Дата обращения: 10.05.18).
2. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Галактионова И.В., Гловинская М.Я., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Лопухина А.А., Птенцова А.В., Санников А.В., Урысон Е.В. Активный словарь русского языка. - М.: Языки славянской культуры, 2014. — 408 с.
3. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. 424 с. С. 3-11.
4. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1997. – 267-279.
5. Башарина А. К. Понятие «семантическое поле» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2007. – С.93-96.
6. Василисина А. А., Зарифьян М. С., Казакова П. Н., Сударикова Е. А. ПОЛИСЕМИЯ ГЛАГОЛОВ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ, ДВИЖЕНИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РАЗМЕТКИ

БАЗЫ ДАННЫХ АКТИВНОГО СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА) //

<http://www.dialog-21.ru/media/3471/vasilisina.pdf>

7. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. №5. 1971.С. 105-113.
8. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
9. Ваулина Е.Ю. Метафоризация глагола в современном русском языке (на материале глаголов активного физического воздействия). Автореферат диссертации...кфн. – СПб, 1994.
10. Вердиева, З. Н. Семантические поля в современном английском языке / З. Н. Вердиева – М. : Высшая школа, 1986. – 120 с
11. Виноградов В.В. А. С. Пушкин — основоположник русского литературного языка. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Москве, в Центральном лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Изд. „Правда“, 1949, стр. 1—32.
12. Гиро-Вебер М. Вид и семантика русского глагола // Вопросы языкознания. – М., 1990. №2. – С. 102-112.
13. Городецкий Б. Ю. К проблеме семантической типологии. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1969. – 564 с.
14. Гукова Л. Н., Трушицына Е. А. Концепт «времени года» в

- художественной картине мира А.С. Пушкина // Мова. 2014. №21. – С. 77-82.
15. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. В 4-х т.т. – 1981.
 16. Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. Семантическая типология: история и теория вопроса // Вестник РУДН, серия Лингвистика, 2009, №1. – С. 25-31.
 17. Долгих Н.Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1973. №1. С. 89-98.
 18. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 1991. – 544 с.
 19. Камынина А. А.. Современный русский язык. Морфология: Учебное пособие для студентов филологических факультетов государственных университетов. М.: Изд-во МГУ, 1999. 240 с.
 20. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 355 с.
 21. Караулов, Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. – 1972. – № 1. – С. 57–68.
 22. Карцевский С.О. Об ассиметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях / В.А. Звегинцев. - М.: Просвещение, 1965. - Ч. 2. - С. 85-90.
 23. Кочнова К.А. Языковая картина мира писателя: аспекты и методы

исследования// Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 3.
- С.53-56.

24. КОЧНОВА К.А. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОСЕНЬ» В
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧЕВОЙ СИСТЕМЕ А.П.ЧЕХОВА // «Вестник
Мининского университета» 2014. №2.

25. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой
категоризации. – Иркутск: Издательство Иркутского государственного
университета, 2004. – 206 с.

26.

Кузнецова А.А. Осенний мир в языковой картине мира русского народа //
Филология и литературоведение. 2015. №9 [Электронный ресурс]. URL:
<http://philology.snauka.ru/2015/09/1685> (дата обращения: 03.05.2018).

27. Куренкова Т.Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в
современной лингвистике // Вестник Сибирского государственного
аэрокосмического университета им. ак. М.Ф. Решетнева. – Красноярск,
2006. – С. 173-178.

28. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН, серия
литературы и языка. – 1993, №1. – С. 3-9.

29. МАРКЕВИЧ Ю.В., СЕРЕДА П.В. ГЛАГОЛЫ РЕЧИ И ИХ
СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ// Научные труды КубГТУ, № 2,

- 2016.
30. Мигирин В.Н. Язык как система категорий отображения. – Кишинёв: Штиинца, 1973.
31. Милых М.К. Прямая речь в художественной прозе. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1958. 38 с.
32. Никонова Н.М. Современный русский язык: Учебное пособие. - Омск: Изд-во ОмГТУ, 2008. — 164 с.
33. Новиков Л.А. Семантика русского языка. - М.: Высшая школа. 1982. — 272 с.
34. Пименова М.В. Предисловие/ Введение в когнитивную лингвистику / Под ред. М.В. Пименовой. Вып.4. – Кемерово, 2004. – 208 с.
35. Пушкин А.С. Стихотворения. – М.: Советская Россия, 1985.
36. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2000.
37. Современный русский язык. Анализ языковых единиц. В трех частях. Ч.2. Морфология // Под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Просвещение, Владос, 1995. – 192 с.
38. Современный русский язык. Том 2. Морфология: учебник и практикум для академического бакалавриата // Под ред. С. М. Колесниковой. – М.: Юрайт, 2015. – 208 с.

39. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1977. – 341 с.
40. Тихонов А.Н. Русский глагол: проблемы теории и лексикографирования. – М., 1998.
41. Хашимов Р.И. Семантическое поле слов и его элементы// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. №4(46): в 2-х ч. Ч.2. – С. 209-213.
42. Цзу Сюэцин Национально-культурные концепты времен года в русской языковой картине мира на фоне китайской: диссертация кфн, Владивосток, 2009. – 204 с.
43. Шанский Н.М. Фразеология русского языка. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.
44. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
45. Шохина Е.В. Семантика времен года в поэзии пушкинской поры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Воронеж, 2017. – 21 с.